

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Из всей книги 'Abdu'l-Latif'a с несомненностью видно только два факта влияния: 1) под английским влиянием получила свое развитие проза; 2) английскому (или вообще европейскому) влиянию обязана своим возникновением социальная повесть или роман. Но эти факты были известны и до появления настоящего труда.

Английское влияние на литературу и на язык урду несомненны. Урду, особенно разговорный или газетный, представляет пеструю мозаику, в которой английские лексические элементы являются очень частыми вкраплениями. Научная и техническая терминология в своей значительной части английские. Огромно также и влияние на литературу, преимущественно прозаическую, и на идеологию авторов урду. Однако автор, больше знакомый с английской литературой, чем с литературой урду — насколько об этом можно судить по рассматриваемому труду — не справился с поставленной задачей. Это совершенно понятно, так как вопрос поставлен слишком широко для данного момента, когда совершенно отсутствуют подготовительные в данной области работы.

А. Баранников.

17. ज्वालादत्त शर्मा । उस्ताद जौक और उनका काव्य । तृतीय बार । कलकत्त १९२४ (6 + 119 + 8).

18. ज्वालादत्त शर्मा । महाकवि गान्धर्व और उनका उर्दू काव्य । तृतीय संस्करण । कलकत्त १९२४ (6 + 96).

Во взаимоотношениях индийских мусульман и индуистов за последнее время произошел весьма чувствительный перелом. Напряженный антагонизм, который длился несколько столетий, заметно ослабел. Хотя и теперь любая туземная газета пестрит известиями о розни между мусульманами и индуистами, но эти раздоры получили более мирный, чем прежде, характер. Индуистам удалось привлечь мусульман к делу национального освобождения, и с той поры, то есть с 1916 года,¹ когда мусульмане вошли в национальный конгресс, дело объединения заметно подвигается. Огромную роль в этом сближении сыграло гандистское движение и его вождь Ганди.² В своих произведениях и речах он постоянно указывал, что в единении — общее благо индуистов и мусульман, и звал к этому единению. В результате этой взаимной тяги к единению проявилось стремление ко взаимному пониманию. Это вызвало интерес к литературе своих соседей иноверцев — у мусульман к литературе бенгальской и хинди, у индуистов — к литературе урду.

¹ См. सिधनाथ माधव लोढे । कांग्रेस का जन्म और विकास । कलकत्ता १९७८, стр. 20 и след.

² Ср. गोरखपुर में गान्धी जी । कलकत्त १९७८. Из серии «Hindi pustak agency».

Две небольшие книжки *Jvālādatt Śarṁmā* на хинди — одна о Галибе (غالب) и другая о Зауке (ذوق) являются проявлением интереса индустов к литературе урду, в лице ее лучших классиков, лучших мастеров слова.

Обе работы указанного автора написаны по одному и тому же плану: в предисловии кратко выясняется значение и положение данного автора в литературе урду, в первой части дается краткая биография поэта, которая иллюстрируется выдержками из его произведений; во второй части — образцы газелей автора, причем текст урду дается в транскрипции деванагари, и за каждой газелью или отрывком приводится комментирующий ее перевод на хинди. Наконец, в третьей части прилагается краткий словарь лексических элементов автора, мусульманских, не вошедших в словарь хинди.

Jvālādatt Śarṁmā сознается, что его целью было познакомить индустов с лучшими образцами поэзии урду, и не претендует на самостоятельность. Работу о Зауке он писал, основываясь на трудах проф. Азада, которого многократно цитует, о Галибе — на основании биографии его, написанной Хали (بادگار غالب).

В виду того, что на европейских языках о Зауке были только случайные упоминания, мы дадим в кратком извлечении биографические данные о нем. Устад Заук, которого действительное имя было Мухаммед Ибрахим, родился в 1786 году в Дели и был сыном простого сипая. Первый его учитель, Гулам Расуль сообщил ему элементы персидской и арабской грамматики и литературы. Через некоторое время он переходит в ученье к одному из больших тогдашних поэтов Шах Насиру и под его руководством проходит высшую школу арабского и персидского языка и литературы. С раннего детства начав писать газели, он совершенствует здесь свою технику стиха и углубляет знания мусульманской поэтики. Через одного из своих покровителей он получает доступ ко двору Акбар Шаха, от которого получает титул *خاقانی هند* и, как руководитель в поэтических опытах наследного принца, а позже императора, он становится придворным поэтом. Это звание упрочило его материальное положение, и он весь отдается научным занятиям в разнообразнейших областях, но преимущественно занятиям поэтикой и литературой, выходя в своих изучениях за пределы мусульманских литератур. Он был одним из главных поэтов, осознавших значение литературы урду, и сознательно ставил себе в заслугу поэтические творения на этом языке. Как результат глубокого внимания Заука к своим произведениям, его язык значительно проще и больше приближается к живому языку той эпохи, чем язык Галиба, сильно персизировавшего свои произведения на урду. Сознательный отход от персидских образцов

дал Зауку возможность проявить яркую индивидуальность, и его произведения, наравне с произведениями Галиба, являются прекрасными образцами сочетания глубоких, тонких и оригинальных идей с чарующей формой. К сожалению, значительная часть произведений Заука пострадала во время мятежа 1857 года (он умер в 1854 г.), и от него дошло немного, да и то благодаря самоотвержению его ученика, проф. Азада.

Таковы в сжатом виде те краткие биографические сведения, которые сообщает Jvālādatt Śarmā о Зауке. Как курьез, интересно отметить, что, стремясь представить индуистам поэта мусульманина в наилучшем виде, автор несколько раз отмечает, что Заук за всю свою жизнь не убил ни одной живой твари.

Как пример комментирования автором Заука, возьмем один стих

जो चश्म कि बे नम हो वह हो कोर तो बहतर ।

जो दिल कि हो बे दाग वह जल जाये तो अच्छा ॥

Комментарий к нему звучит следующим образом:

जिस आँख में प्रेम के आँसू नहीं आते वह गड़े की समान है और जिस मन में प्रेम का दाग नहीं वह जल जाय तो अच्छा ॥ т. е.

«Глаза, в которых не появляются слезы любви, подобны щелям, душа, в которой нет страдания любви, еслиб она сгорела, — было бы прекрасно».

Это не перевод оригинала Заука, а свободное толкование его.

Ни в какие исторические или филологические тонкости Jvālādatt Śarmā не вдается. Такого же типа и комментарий к поэзии Галиба. В обеих работах выдержки даны яркие, характерные для того и другого поэта.

Приложенный к каждому из изданий словарь слишком краток и рассчитан скорее на владеющих урду, а не на тех, кто знает только хинди.

Книги Jvālādatt Śarmā, как первые образцы поэзии урду на хинди, встречены в Индии с большим сочувствием; это доказывается тем фактом, что в короткое время каждая из них выдержала три издания.

В заключение не безынтересно отметить, что в «Восточном Сборнике» (М. 1924) напечатан перевод на русский язык шести газелей Галиба. Перевод исполнен М. Клягиной-Кондратьевой. К переводу приложены краткие биографические данные о Галибе.

А. Баранников.